

Социальная эксклюзия как социально-психологический феномен

И.Ю. СУВОРОВА

*аспирантка кафедры социальной психологии факультета психологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова*

В статье поднимается вопрос об отношениях человека и общества в случае невозможности принять социальную реальность. Исключение из социальной системы, или социальная эксклюзия, до сих пор изучалась в социологии, тогда как это понятие имеет неоспоримую психологическую составляющую. В статье на основе существующих теорий рассмотрена социальная эксклюзия как социально-психологический феномен. В результате теоретического анализа переживание социальной эксклюзии рассмотрено через понятие структуры социальной идентичности.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, структура социальной идентичности, взаимодействие человека и социальной системы, активность, деятельность, экстернализация, интернализация.

Повышение роли демократических ценностей и принципов равенства в Европе приводит к росту интереса социальных наук к изучению национальных меньшинств и экономически неблагополучных слоев населения. Стремительному росту таких социальных групп и, следовательно, заострению проблемы неравных прав и возможностей способствует интенсивная миграция и частые экономические кризисы, вынуждающие некоторые группы населения оказаться за чертой бедности. Феномен переживания социальных и экономических лишений, когда человек не может быть членом определенной социальной группы на равных правах с остальными членами этой же группы, называется социальной эксклюзией [23]. Четкой операционализации этого феномена нет, однако наиболее распространенным является понимание социальной эксклюзии как концепта, обозначающего современные формы соци-

ального неблагополучия и сдвига человека на «социальное дно» [22].

Социальная эксклюзия

Авторство понятия «социальное исключение», или «социальная эксклюзия», приписывается государственному секретарю правительства Франции Рене Лемуару и подразумевает любые лишения, препятствующие полноценному включению человека в систему социальных отношений [13]. К такой категории, в первую очередь, относятся люди с умственной отсталостью и физическими отклонениями, дети-сироты, люди с зависимостями, маргиналы, люди, пребывающие за чертой бедности [23]. До сих пор этот феномен рассматривался как переживание только лишь социального и экономического неблагополучия. Однако помимо социальных проблем (бедность, отсутствие доступа к образованию и фи-

зическая изоляция) исключение из социальной системы имеет под собой и социально-психологическую реальность. Так, изучая социальную эксклюзию на группах людей, находящихся за чертой бедности, Дж. Вилсон пришел к выводу о том, что безработица и бедность привели не только к невозможности быть полноправными членами американского общества, но также разрушили общепринятую мораль, сформировали аморальный образ жизни афроамериканского населения: употребление наркотиков, проституция, бандитизм [29]. Бедность, кроме экономической депривации, влияет на самооценку и представление человека о своей роли в социальной системе. Еще Адам Смит говорил, что бедный человек, во-первых, имеет меньший доступ к ресурсам, а во-вторых, переживает свою бедность на эмоциональном уровне как стыд. Можно сказать, что в данном случае переживание своей несостоятельности как субъекта социальных отношений выступает вторичным феноменом — человек лишается доступа к ресурсам и, сравнивая себя с другими людьми, переживает свое положение как несоответствующее ценностям данного общества. Однако переживание своей несостоятельности и исключения из социальной системы также может выступать и как первичный феномен. Такие результаты были получены в нашем исследовании принятия/отторжения социальных ценностей в группах подростков с сильными и слабыми культурными традициями. В европейском обществе потребность в формировании неформальных молодежных объединений была вызвана слабыми ценностными и нормативными ориентирами, посредством которых подростки встраиваются в систему социальных от-

ношений. В социальных группах с жесткими культурными и нормативными рамками (например, крымские татары) неформальные молодежные объединения отсутствуют. Исключения составили крымские татары, принявшие европейские ценности [14].

Важно, что здесь речь идет не просто о группах людей с особыми ценностями. И представители неформальных молодежных объединений, и представители американских бедных кварталов не могут встроиться в социальную систему и противопоставляют свои ценности общественной морали. Человек, физически находясь в конкретном обществе и при этом не руководствуясь правилами функционирования системы, обрывает социальные и символические связи между собой и обществом [13].

Еще в прошлом веке обрыв связей между человеком и обществом описывал Р. Мертон. Более конкретно причиной возникновения данного обрыва являются противоречия между целями, выработанными обществом, и возможными средствами их достижения. Р. Мертон выделяет пять типов приспособления к общественной системе: конформность, инновация, ритуализм, ретритизм и мятеж [11]. Эти пять видов приспособления выделены в зависимости от отношения к общественным целям и средствам их достижения. Конформизм предполагает принятие и культурных целей, и институциональных средств. Этот тип является наиболее распространенным и представляет собой залог стабильности и преемственности в обществе. Инновация предполагает принятие социальной цели, но заключается в использовании институционально запрещаемых, но часто бывающих эффективными средств

достижения богатства и власти или хотя бы их подобия. Ритуализм предполагает снижение слишком высоких культурных целей для удовлетворения их существующими средствами. Ретритизм, по мнению Р. Мертона, является наиболее редким видом приспособления и характеризуется отторжением социальных целей и избеганием социальной системы. Как пишет Р. Мертон, такие люди «находятся, строго говоря, в обществе, однако не принадлежат ему» [11, с. 39]. И, наконец, мятеж — это тип приспособления, который выводит людей за пределы окружающей социальной структуры и побуждает создавать новую, т. е. сильно видоизмененную социальную структуру.

Если в первых трех случаях активность человека направлена на социальную реальность, на достижение цели, выработанной обществом, то в двух последних социальные нормы, ценности и цели не являются руководящими социальной жизнью человека. Мы бы хотели более детально рассмотреть последние два вида приспособления — ретритизм и мятеж. В случае ретритизма человек не принимает социальную реальность в силу неразрешимых противоречий между внутренним миром и социальной реальностью, добровольно исключает себя из социальной системы. Мятеж также характеризуется отторжением социальных норм, ценностей и целей, однако в этом случае человек не отстраняется от реальности, а нацелен на ее преобразование в соответствии со своими идеалами.

В данной работе нас в большей степени интересует именно ретритизм, или феномен добровольного исключения себя из социальной реальности. Фактическое существование в определенной социальной системе при полном ее неприятии

представляется нам интересным и малоизученным феноменом, а в силу описанных выше обстоятельств — довольно распространенной в наши дни формой активности. Этот феномен интересен прежде всего тем, что при разрыве связей между человеком и социальной системой могут выявиться нарушения в конструировании социальной реальности и социальной идентичности. Целью данной статьи является построение психологической модели взаимодействия человека и общества с тем, чтобы определить возможные разрывы связей между внутренним миром и социальной реальностью и их возможные последствия на конструирование социальной идентичности.

Механизмы взаимодействия человека с социальной системой

Изучение взаимодействия человека с социальной реальностью берет начало в XX в., когда была доказана роль социального окружения и культуры на поведение человека. Основным направлением, сосредоточенным на проблемах взаимодействия человека и социальной системы, стала когнитивная психология, делавшая акцент на исследовании законов социального познания, основным из которых является социальная категоризация. Социальная категоризация предполагает формирование различных групп предметов и явлений, формирующихся по принципу подобия [28]. В этом случае социальные нормы, ценности, в целом, социальная система не обязательно участвуют в процессах категоризации и самокатегоризации. Исключения составляют ситуации, когда основой для категоризации являются социальные и культурные конструкты, на-

пример, этнические и классовые предубеждения. Однако здесь, помимо категоризации, также присутствует механизм интериоризации — присваивания социальных и культурных конструктов во внутренний план. В остальных же случаях, что было многократно продемонстрировано в классических экспериментах А. Тэшфела [25; 26; 27], категоризация происходит по признакам, которые могут быть нейтральными по отношению к социальным нормам и ценностям. В этой связи целый пласт взаимоотношений человека и социальной системы, конструирование образа социальной реальности и социальной идентичности остаются изученными очень слабо.

Различие в двух механизмах взаимодействия человека с социальной реальностью — категоризации и интериоризации — хорошо иллюстрируется в исследовании В. Дуаза. Двум группам подростков, здоровым и инвалидам, предложили описать себя и представителя другой группы. И если в описании члена другой группы ключевыми характеристиками были те, что определяли их групповую принадлежность (здоровые/инвалиды), то самописание в обеих группах строилось по одинаковой схеме: в нем использовались одинаковые конструкты, к которым относились наиболее значимые для европейского общества личностные качества [21]. Также роль социальных норм и ценностей на конструирование образа Я показана в исследовании В. Зиггера. Исследование заключалось в контент-анализе колонки «одинокие сердца» в Нидерландской газете (Dutch newspaper) с 1945 по 1986 г.. В результате исследования было показано, что самопрезентация отличалась в зависимости от временного периода. Были

выделены три периода: 1945—1965, 1965—1975, 1975—1986. В первом случае люди описывали себя через такие качества, как серьезность, опрятность, образованность. Во втором — наибольшее значение придавалось индивидуальному стилю и общительности. В третьем — самописания стали меньше поддаваться классификации, но в них прослеживался уклон в сторону личностных черт. В этих исследованиях социальная идентичность выступает как отражение тех категорий, которые считаются наиболее значимыми в данном обществе [30].

Человек формирует представления о себе, исходя из норм и ценностей, через которые он воспринимает социальную систему, следовательно, конструирование социальной идентичности и представлений о социальной реальности являются единым процессом. При этом в отличие от формирования социальной идентичности на основе категоризации, когда важно определить различия между двумя группами для того, чтобы установить границы своей [2], в случае формирования социальной идентичности с большой общностью посредством интериоризации норм и ценностей происходит не разделение, а слияние с системой. Так, Э. Эриксон определял социальную идентичность как интеграцию социальных и культурных ценностей в ядро личности [16]. Поэтому разрыв связей между человеком и социальной системой нарушает формирование социальной идентичности и искажает представление о социальной реальности. Чтобы было возможным найти причину разрыва между человеком и социальной системой, представим их в виде двух систем. Человек представляет собой систему своих личностных ценностей, убеждений и пред-

ставлений о себе, тогда как социальная реальность — систему социальных ценностей, норм и правил. Отношения между этими системами включает два механизма: интернализацию (идентификацию с социальными ролями и принятие социальных норм и ценностей) и экстернализацию (проекцию своих убеждений во внешний мир). Под проекцией понимается приписывание тех качеств внешнему миру, которые принадлежат субъекту. Считается, что проекция в этом случае может быть реальной, если реальность, которую принимает человек, разделяет большое количество людей.

В интернализации также можно выделить два механизма — ассимиляцию-аккомодацию и оценивание. Первый из них Г. Брейквелл определяет как связанный с блоком памяти, где хранятся конструкты представлений о себе. Он обеспечивает принятие новых элементов из реального мира (ценности, установки и т.п.), которые потом встраиваются в уже существующие структуры. Второй механизм — оценивание — отражает отношение к системе встроенных элементов [18].

Механизмы, которые обеспечивают эту двухступенчатую связь человека и

социальной реальности (интернализация социальных ролей, норм и ценностей и их ассимиляция в структуру личностных ценностей, установок и идентичности), наиболее подробно описаны в деятельностном подходе, где деятельность понимается, как необходимое условие для формирования образа мира и социальной идентичности [2]. Именно характер взаимодействия с реальностью очерчивает для нас эту реальность в качествах, открывающихся посредством нашего взаимодействия, а также обнаруживает для самих себя наши собственные качества и характеристики [10]. Взаимодействуя с предметами окружающего мира, человек формирует представления об их форме, фактуре, узнает их значения и формирует личностные смыслы, открывает себя как человека, взаимодействующего с реальностью определенным образом, тем самым интегрируя все представления в свой образ мира. Именно деятельность является необходимым условием для перехода мира физического в идеальный [9; 10].

Выделенные нами механизмы взаимодействия можно представить в следующей схеме (рис. 1):

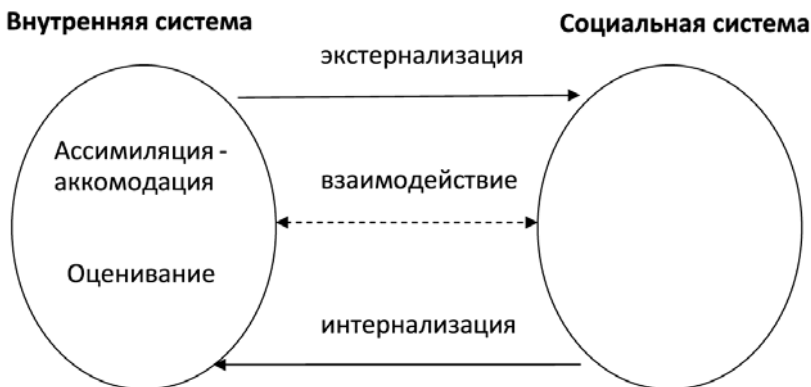

Рис. 1. Схема взаимодействия человека с социальной реальностью (Модель 1)

На рис. 1 изображена схема взаимосвязи человека и социальной системы. Описанные выше механизмы экстернализации-интернализации и ассимиляции-аккомодации возможны только в условиях деятельности. На рис. 1 это условие изображено пунктирной линией и обозначено как взаимодействие. Сталкиваясь с нормами и ценностями и оперируя ими как средствами взаимодействия с социальной системой, человек интериоризирует или, в терминах Леваяйна, интернализирует их в свою личную систему ценностей, тем самым формируя свое особое видение социальной реальности. Другими словами, ценности и новые представления о себе как о субъекте социальных отношений ассимилируются в исходную систему личностных конструктов. Далее взаимодействуя с окружающей реальностью, человек экстернализирует личностные конструкты на социальную систему, направляя свою деятельность в ней. Нарушение взаимосвязи человека и социальной системы может существовать в любом из элементов схемы. Однако мы полагаем, что в случае добровольного исключения себя из системы социальных отношений в связи с разрывом между личностными и социальными ценностями нарушения происходят в процессах интернализации и экстернализации.

Д. Абрамс и П. Грант построили модель, в которой исследовали взаимосвязь выраженности включенности человека в социальную группу и принятия групповых ценностей относительно социальной реальности [17]. Исследование проводилось на группе ирландской оппозиции, борющейся за свои права. Представители изучаемой выборки переживали ущемление в правах и боролись за изменение социальной ситуации в стране. В оппозицию входили люди, идентифицирующиеся с оппо-

зицией в разной степени. Люди с сильно выраженной социальной идентичностью переживали лишения на групповом уровне. Те, чья социальная идентичность была слабой, переживали лишения на индивидуальном уровне. В исследовании были доказаны следующие положения.

1. Люди, переживающие социальную несправедливость на уровне группы, верят в возможное изменение социальной ситуации.

2. Существуют различия в переживании социальной несправедливости на коллективном и эгоистическом уровне: человек проявляет агрессию в случае, если он воспринимает свои лишения как лишения всей группы; переживания лишения на эгоистическом уровне приводят к депрессии.

Вопрос заключается в том, какого качества эта взаимосвязь. Было ли переживание несправедливости необходимым компонентом заявленной схемы или служило лишь фоном для констатации других социально-психологических феноменов? Надо полагать, что группа, активно борющаяся за свои права, включена в социальную систему только лишь с тем отличием, что связь ее с обществом имеет негативный характер. Если же человек переживает лишения, но не принимает ценности борьбы за свои права, то такая позиция является пассивной. В этом плане причины различного отношения к своей группе и к своему положению в обществе следует искать с позиции вовлеченности в события данной группы. Переживание социальной несправедливости здесь выступает лишь фоном для реализации активной либо пассивной позиции.

В отечественной психологии активная или пассивная позиции определены как основные критерии включения в систему социальных отношений. К.А. Абульханова-

Славская делает акцент на различии взаимодействия с социальной реальностью, сам факт которого является независимым от желания человека и стремления взаимодействовать, что является индивидуальным выбором. Взаимодействие с социальной реальностью автор характеризует как деятельность, а желание взаимодействовать с ней — как активность [1]. К.А. Абульханова-Славская определила социальную активность как реализацию потребностей личности, поиск предметов потребностей. Активность является отражением личностной направленности, отражает личностные мотивы, цели, тогда как деятельность является реализацией активности, ограниченной социальными условиями. Если деятельность детерминирована обществом, то активность — только личностный конструкт, т. е., активность оформляется в деятельность. Но когда деятельность не сформировалась, когда в обществе не существует соответствующих видов деятельности, активность может выступать не в функции координатора, а в функции дезинтегратора. Невозможность выразить в деятельности свою активную позицию приводит к ее затуханию либо к реализации в девиантном поведении. Отсутствие активности, неже-

вание включаться в систему социальных отношений является следствием переживания социальной бесперспективности. В случае, если общественные нормы подавляют личность, происходит не только внешнее ограничение активности, но и разрыв органической целостности структуры психики и личности, что приводит к деструкции эмоций и мотиваций и появлению способа пассивного осуществления деятельности [1].

Активность, или готовность включиться в систему социальных отношений, возникает в том случае, когда внешняя и внутренняя реальности совпадают. И наличие либо отсутствие этой мотивации является ключевым моментом в возникновении социальной эксклюзии. Желание включаться или не включаться в социальную реальность зависит от результатов тестирования реальности, получаемых посредством взаимодействия с ней. Если социальная реальность совпадет настолько, чтобы интериоризировать ее конструкты в индивидуальную систему, то человек будет интегрироваться в систему социальных отношений и активно взаимодействовать с ней. Теперь наша схема приобретает следующий вид (рис. 2).

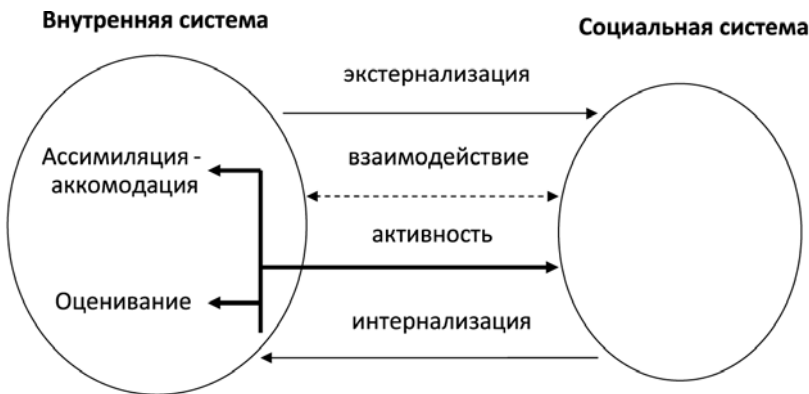

Рис. 2. Схема взаимодействия человека с социальной реальностью (Модель 2)

На схеме появляется активность как мотивация человека интегрироваться в систему социальных отношений. Человек направляет свою активность во внешний мир, если общество предоставляет способы удовлетворения его потребностей. В этом случае он интернализирует усвоенные им в процессе взаимодействия с окружающим миром смысловые конструкты и ассимилирует в структуру ценностей и смыслов с последующим оцениванием новых конструктов с точки зрения своего опыта. Активность, ассимиляция-аккомодация и оценивание выделены жирной линией, поскольку мы полагаем, что именно эти феномены нарушаются при социальной эксклюзии. При отсутствии направленной активности во внешний мир человек не сможет ассимилировать социальные конструкты и интегрировать их в свою систему ценностей, тем самым испытывая трудности в формировании социальной идентичности. Именно нарушение структуры социальных идентичностей, где идентичность выступает как социальный конструкт, т. е. формируется из категорий социальной системы, является психологической реальностью социальной эксклюзии.

Особенности структуры социальной идентичности в условиях социальной эксклюзии

Социальная идентичность как социальный конструкт, конструирующийся посредством интериоризации и интеграции социальной реальности во внутренний план личности, рассматривается в социальном конструкционизме П. Бергера и Т. Лукмана, а далее в психологи-

ческих теориях, берущих за основу это направление [4]. Наиболее подробно вопрос конструирования социальной идентичности рассмотрен в теории социального контроля П. Бурке [20].

Когда человек идентифицируется с социальными ролями, он занимает позицию в структуре социальных отношений и взаимодействует с реальностью под углом занимаемой позиции. Содержание предметов или процессов для самого человека зависит от контекста, от взаимного расположения индивида и социальных сил. П. Бурке выделяет два вектора изменения этого взаимоотношения. Первый вектор предполагает характер включения личности в систему социальных отношений. Автор допускает, что в социальной системе одни позиции имеют больший доступ к ресурсам, чем другие.

Другой вектор касается природы связи между социальной идентичностью и различными позициями в пределах социальной системы. Имеется в виду, что социальная идентичность в данной теории базируется на культуре и группе, и каждая занимаемая человеком социальная роль (мужчина, женщина, профессионал и т.д.) имеет свою общественную ценность [20].

Данная теория, рассматривая структуру социальной идентичности, однозначно упускает личностный компонент: занимаемая человеком социальная позиция, различный уровень обладания ресурсами, социальная ценность каждой из занимаемых ролей отражаются в сознании человека и оцениваются, формируя тем самым самооценку. Эта сторона вопроса наиболее детально раскрыта в теории динамики идентичности Г. Брейквелл.

Г. Брейквелл решила объединить существующие феномены идентичности и рассмотрела ее как структуру, интегрирующую индивидуальные мотивы, ценности и цели с социальными ценностями, а также с социальным контекстом [19]. Как и П. Бурке, Г. Брейквелл строит свою теорию, опираясь на учение Дж. Мида, рассматривающего психику в виде трех неделимых компонентов, дополняющих друг друга и в своей интеграции являющихся единой психической реальностью. Именно поэтому идентичность в теории Г. Брейквелл представлена динамическим социальным продуктом взаимодействия памяти, сознания — со стороны психических процессов и социального контекста — со стороны социальной реальности [19].

Структуру идентичности в этой теории можно описать в двух измерениях: содержание и его оценка. Еще Г. Тэшфел [27] обозначил самооценку как причину всех описанных им феноменов идентичности: социальная дискриминация и фаворитизм, социальное изменение и т.д. Однако, рассматривая социальную идентичность в условиях противостояния двух групп, т.е., как определила Г. Брейквелл [19], в условиях конфликта, Г. Тэшфел рассматривал достаточно ограниченную роль самооценки в социальном самочувствии людей. В своих исследованиях Г. Брейквелл показала, что люди, оценивающие себя не способными адаптироваться к окружающей реальности, не чувствующие себя эффективными, переживают данную ситуацию как угрозу для своей идентичности [19]. Самооценка отражает структуру идентичности, придает психологическое значение интериоризированным и иерархизированным социальным конструктам.

Низкий уровень самооценки и самоэффективности, угроза целостности идентичности, видимо, соответствуют рассматриваемой нами социальной эксклюзии, однако особенности самой структуры социальной идентичности в ситуации исключения рассмотрены не были. Логично предположить, что нарушение процессов ассимиляции-аккомодации приводят к невозможности интегрировать новые элементы в структуру социальной идентичности, следовательно, можно предположить, что она будет неполной и лишенной структуры.

В 2011 г. нами было проведено исследование, нацеленное на сравнение целостности семантических пространств людей, испытывающих различную степень влияния культурных норм на свою жизнь. Исследование проводилось в трех группах: неформалов-русских, крымских татар и контрольной выборке русских студентов.

В исследовании приняло участие 75 человек в возрасте от 17 до 21 года. Из них 25 были неформалами (готы, панки, металлисты), 25 — крымские татары, контрольную выборку составили также 25 человек, куда вошли студенты славянских национальностей, не принадлежащие ни к одной неформальной группировке. Мы предположили, что степень выраженности культурного ядра и его влияния на все сферы жизни воздействуют на целостность личностных конструктов. Для проверки нашего предположения была использована методика семантического дифференциала, где оценивались понятия, являющиеся ключевыми для выборов: семья, религия, свобода выбора, подчинение, работа, ненормативность, пожилой человек, уважение, традиции, родители, музыка.

В семантическом дифференциале у татар прослеживается большая роль религии как координатора всех сфер общественной жизни. В смысловом ядре группируются следующие категории: свобода, религия, уважение, семья и традиции. Ни в контрольной выборке, ни у неформалов в смысловом ядре религии не было. Таким образом, смысловое пространство татар включило следующие компоненты: религия как высший источник регуляции общественной жизни → → семья как механизм этой регуляции → уважение к старшим как одна из основных культурных норм.

В контрольной выборке в ядре сгруппировались традиции, родители, пожилой человек, свобода, работа и семья. Работа для контрольной выборки приобрела большое значение. Связь «работа-свобода» выступила на третьем месте по порядку увеличения расстояний, тогда как у татар впервые работа встречается на десятом месте, а у неформалов — на седьмом. Смысловое пространство контрольной выборки можно представить следующим образом: семья как источник социализации и ориентации в жизненном пути → работа → свобода. В качестве основной цели здесь можно выделить независимость от родителей через накопление материальных благ.

У представителей молодежных субкультур в ценностно-смысловом пространстве оказалась свобода, родители, традиции и уважение. Очевидно, это те ценности, которые они могут удовлетворить через свои группировки. Однако в отличие от двух других выборок у неформалов ядро оказалось размытым, что отражается в отрицании общественных ценностей и в создании субкультур [14].

Отсутствие четких ориентиров для подростков в европейской культуре приводит к трудностям при интеграции в социальную систему. На индивидуальном уровне это отразилось в размытой структуре социальных установок и ценностей. Мы предполагаем, что аналогичная ситуация касается структуры социальной идентичности. Интериоризация социальных норм и ценностей означает принятие того контекста, где эти нормы и ценности проявляются, а значит, приводит к возможности построить свою идентичность в данном контексте. Невозможность интегрировать социальные нормы и ценности в индивидуальную систему ценностей и смыслов приводит, следовательно, к невозможности сконструировать систему идентичностей. При этом нарушения в конструктах могут указывать, на каком этапе интеграции в систему социальных отношений человек испытывает трудности.

Подход к пониманию социальной идентичности как конструкта разрабатывается в отечественной социальной психологии Н.Л. Ивановой. Используя репертуарные решетки, Н.Л. Иванова среди всех возможных структур выделила структуры социальной идентичности с четким обозначением одного ядра. Всего таких структур оказалось три: базисная — семейная, национальная, родственные отношения; индивидуально-личностная — нравственные нормы, социальные установки, язык, духовный и личностный рост; профессионально-деловая — обучение, карьерный рост [8].

В силу того, что структура социальной идентичности иерархична, Н.Л. Иванова предположила, что базисная структура составляет низший уровень, индивидуально-личностная —

средний, а профессионально-деловая — высший. При этом каждый последующий уровень основан на предыдущем. Это предположение подтверждается в ряде социально-психологических и социологических исследований, проведенных в условиях социально-политического и экономического кризиса в России после распада СССР. Было обнаружено, что россияне в условиях социальной нестабильности предпочитали идентифицироваться с ближайшим окружением (семьей, друзьями), что являлось на тот момент наиболее стабильной структурой [5]. В исследовании Н.Л. Ивановой было выявлено, что у россиян была больше выражена личностная идентичность по сравнению с поляками, что вызвано менее стабильной социальной ситуацией в России [6]. Эти данные указывают на то, что в ситуации кризиса наиболее сохранными остаются низшие слои структуры социальных идентичностей, тогда как высший является наиболее уязвимым. Это также соответствует нашей модели № 2, согласно которой нарушение процессов ассимиляции-аккомодации препятствует формированию и интегрированию новых структур, тогда как структуры, сформированные в другом окружении (например, семья), остаются сохранными.

Социальная эксклюзия как психологический феномен наступает тогда, когда человек не может найти предмет потребности в системе социальных отношений. В этом случае человек не направляет свою активность во внешний мир и находится в социальной системе только номинально. Отсутствие активности приводит к невозможности интериоризировать социальные ценности и нормы, следовательно, построить структуру со-

циальных идентичностей. Причем, в зависимости от вызванных трудностей в интеграции человека в систему социальных отношений, нарушается определенная структура — профессионально-деловая, индивидуально-личностная или базисная. Мы предполагаем, что для социальной эксклюзии наиболее характерным является нарушение профессионально-деловой сферы, тогда как нарушения в индивидуально-личностной и базисной сферах соответствуют более ранним формам кризиса идентичности.

Заключение

В данной статье описывается психологическая сторона феномена социальной эксклюзии. Если изначально исключение из системы социальных отношений подразумевает социально незащищенные слои населения, находящиеся на «социальном дне», то мы полагаем, что само взаимоотношение между личностными ценностями и потребностями и социальными целями и нормами может стать причиной невозможности человека включиться в социальную систему. В проведенном теоретическом анализе было показано, что существуют группы людей, которые не могут принять социальную реальность, не могут интегрироваться в систему социальных отношений из-за разрыва между личностными ценностями и потребностями и социальной системой, ее ценностями и нормами. Такое исключение, когда человек осознает разрыв между ценностями своими и общественными и отказывается ассимилировать в свою систему ценностей новые конструкты, мы называем добровольным. Были получены данные, согласно

которым люди со слабо выраженной социальной идентичностью с определенной группой имели пассивные установки по отношению к социальной реальности, а угроза целостности структуры социальных идентичностей была связана с верой человека в возможность справиться с социальной ситуацией. Пассивная установка по отношению к социальной реальности приводила к переживанию депрессии и безысходности.

Социальная эксклюзия как психологический феномен отражается в структу-

ре социальных идентичностей. Невозможность интегрировать социальные конструкты во внутреннюю реальность приводит к нарушениям в структуре социальной идентичности. Мы предполагаем, что эти нарушения будут проявляться в отсутствии или малом количестве социальных идентичностей, что в сознании человека будет отражаться в заниженной самооценке и низком уровне самоэффективности. Эти предположения нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1991.
2. *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.
3. *Андреева Г.М.* Наследие А.Н. Леонтьева и современная психология социального познания // Мир психологии. 2003. № 2.
4. *Бергер П.* Приглашение в социологию: гуманитарная перспектива. М., 1996.
5. *Данилова Е., Ядов В.* Контекстуально-лабильная социальная идентичность — норма современных динамических обществ // Социологические исследования. 2004. № 10.4.
6. *Иванова Н.Л.* Исследование социальной идентичности у студентов педагогических вузов // Идентичность и толерантность / Под ред. А.Н. Лебедевой. М., 2002.
7. *Иванова Н.Л.* Проблема социальной идентичности в психологических исследованиях // Мир психологии. 2012. № 1.
8. *Иванова Н.Л.* Структура социальной идентичности личности: проблема анализа // Психологический журнал. 2004. № 1.
9. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
10. *Леонтьев А.Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения. М., 1983.
11. *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / Ред. перевода М.Н. Грецкий М., 1966.
12. *Смирнов С.Д.* Мир образов и образ мира // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1981. № 2.
13. *Степанова Е., Ефлова М.* Социальная эксклюзия заключенных и экс-заключенных в России // Власть. 2012. № 1.
14. *Суворова И.Ю.* Влияние культуры на формирование неформальных молодежных объединений // Практическая психология и социальная работа. 2011. № 4.
15. *Тернер Дж.* Социальное влияние. СПб., 2003.
16. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.

17. *Abrams D., Grant P.R.* Testing the Social Identity Relative Deprivation (SIRD) model of Social Change: The Political Rise of Scottish Nationalism // *British Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 51.
18. *Breakwell G.M.* Social Representations and Social Identity // *Paper on Social Representations*. 1993. Vol. 2 (3).
19. *Breakwell G.M.* Resisting Representations and Identity Process // *Paper on Social Representations*. 2010. Vol. 19.
20. *Burke P.* Identity and Social Structure: The 2003 Cooley-Mead Award Address // *Social Psychology Quarterly*. 2004. Vol. 67.
21. *Doise W.* Social Representation in Personal Identity // *Social Identity. International Perspectives* / S. Worehel, J.F. Morales, D. Paez, J.-C. Deschamps (Eds.). L., 1998.
22. *Power A., Wilson W.J.* Social Exclusion and the Future of Cities. L., 2000.
23. *Sen A.* Social Exclusion: Concept, Application, and Scrutiny. Manila, 2000.
24. *Stets J.E., Burke P.J.* New Directions in Identity Control Theory // *Advances in Group Processes*. 2005. Vol. 22.
25. *Tajfel H.* Intergroup Relations, Social Myths and Social Justice in *Social Psychology* // *The Social Dimension* / H. Tajfel (Eds.). Cambridge, 1984.
26. *Tajfel H.* Human groups and social categories. *Studies in social psychology*. Cambridge, 1981.
27. *Tajfel H., Turner J.* An Integrative Theory of Intergroup Conflict // *The Social Psychology of Intergroup Relations* / W. G. Austin, S. Worchel (Eds.). Monterey, 1979.
28. *Turner J.C.* Social comparison and social identity: Some prospects for intergroup behavior // *European Journal of Social Psychology*, 1975. Vol. 5, № 1.
29. *Wilson W.J., Aponte R.* Urban Poverty // *Annual Review of Sociology*. 1985. Vol. 11.
30. *Zeegers W.* Andere Tijden, andere Mensen. De sociale representatie van identiteit. Amsterdam, 1988.

Social Exclusion as a Social Psychological Phenomenon

I.YU. SUVOROVA

*PhD student at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology,
Lomonosov Moscow State University*

The paper discusses the issue of the relationship between an individual and the society when the former finds social reality impossible to accept. Social exclusion (i.e. exclusion from the social system) has been traditionally understood as the research domain of sociology; however, this concept definitely has an obvious psychological component as well. The paper explores social exclusion as a social psychological phenomenon from the perspective of several theories and provides an insight into experiences of social exclusion through the prism of social identity structure.

Keywords: social exclusion, social identity structure, relationship between an individual and social system, activity, activism, externalization, internalization.

REFERENCES

1. Abul'hanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni. M., 1991.
2. Ageev V.S. Mezhrupponovoe vzaimodeistvie: social'no-psihologicheskie problemy. M., 1990.
3. Andreeva G.M. Nasledie A.N. Leont'eva i sovremennaya psihologiya social'nogo poznaniya // Mir psihologii. 2003. № 2.
4. Berger P. Priglasenie v sociologiyu: gumanitarnaya perspektiva. M., 1996.
5. Danilova E., Yadov V. Kontekstual'no-labil'naya social'naya identichnost' – norma sovremennykh dinamicheskikh obshestv // Sociologicheskie issledovaniya. 2004. № 10.4.
6. Ivanova N.L. Issledovanie social'noi identichnosti u studentov pedagogicheskikh vuzov // Identichnost' i tolerantnost' / Pod red. A.N. Lebedevoi. M., 2002.
7. Ivanova N.L. Problema social'noi identichnosti v psihologicheskikh issledovaniyah // Mir psihologii. 2012. № 1.
8. Ivanova N.L. Struktura social'noi identichnosti lichnosti: problema analiza // Psihologicheskii zhurnal. 2004. № 1.
9. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M., 1977.
10. Leont'ev A.N. Obraz mira // Izbrannyye psihologicheskie proizvedeniya. M., 1983.
11. Merton R. Social'naya struktura i anomiya // Sociologiya prestupnosti (Sovremennyye burzhuaznye teorii) / Red. perevoda M.N. Greckii. M., 1966.
12. Smirnov S.D. Mir obrazov i obraz mira // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 1981. № 2.
13. Stepanova E., Eflava M. Social'naya eksklyuziya zaklyuchennykh i eks-zaklyuchennykh v Rossii // Vlast'. 2012. № 1.
14. Suvorova I. Yu. Vliyanie kul'tury na formirovanie neformal'nykh molodezhnykh ob'edinenii // Prakticheskaya psihologiya i social'naya rabota. 2011. № 4.
15. Termer Dzh. Social'noe vliyanie. SPb., 2003.

16. *Erikson E.* Identichnost': yunost' i krizis. M., 2006.
17. *Abrams D., Grant P.R.* Testing the Social Identity Relative Deprivation (SIRD) model of Social Change: The Political Rise of Scottish Nationalism / *British Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 51.
18. *Breakwell G.M.* Social Representations and Social Identity // Paper on Social Representations. 1993. Vol. 2 (3).
19. *Breakwell G.M.* Resisting Representations and Identity Process // Paper on Social Representations. 2010. Vol. 19.
20. *Burke P.* Identity and Social Structure: The 2003 Cooley-Mead Award Address // *Social Psychology Quarterly*. 2004.
21. *Doise W.* Social Representation in Personal Identity // *Social Identity. International Perspectives* / S. Worehel, J.F. Morales, D. Paez, J.-C. Deschamps (Eds.). London, 1998.
22. *Power A., Wilson W.J.* Social Exclusion and the Future of Cities. London, 2000.
23. *Sen A.* Social Exclusion: Concept, Application, and Scrutiny. Manila, 2000.
24. *Stets J.E., Burke P.J.* New Directions in Identity Control Theory // *Advances in Group Processes*. 2005. Vol. 22.
25. *Tajfel H.* Intergroup Relations, Social Myths and Social Justice in *Social Psychology* // *The Social Dimension* / H. Tajfel (Eds.). Cambridge, 1984.
26. *Tajfel H.* Human groups and social categories. *Studies in social psychology*. Cambridge, 1981.
27. *Tajfel H., Turner J.* An Integrative Theory of Intergroup Conflict // *The Social Psychology of Intergroup Relations* / W. G. Austin, S. Worchel (Eds.). Monterey, 1979.
28. *Turner J.C.* Social comparison and social identity: Some prospects for intergroup behavior // *European Journal of Social Psychology*, 1975. Vol. 5, № 1.
29. *Wilson W.J., Aponte R.* Urban Poverty // *Annual Review of Sociology*. 1985. Vol. 11.
30. *Zeegers W.* Andere Tijden, andere Mensen. De sociale representatie van identiteit. Amsterdam, 1988.